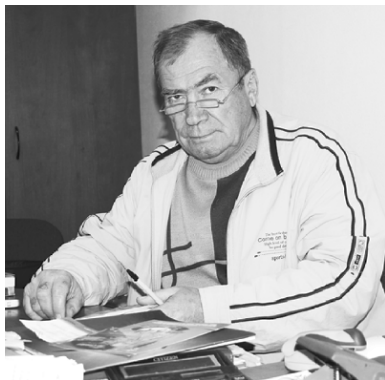

Поэзия

Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ

Виктор Васильевич Брюховецкий. Поэт. Автор десяти поэтических книг. Лауреат литературных премий. Член СП России. Живёт в пос. Кузьмолровский Ленинградской области.

* * *

Нет, жить — великое искусство!
Попробуй помнить наизусть,
Когда уже не больно — грустно
(Библейская такая грусть) —
Десяток строк, чужие рифмы,
Слова, где все от «а» до «я» —
Куски чужого бытия,
Которые свяжут ритмы
В единое... И ты, свою
Судьбу с чужою сопрягая,
Невольно думаешь: какая! —
И как похожа на твою...

* * *

Моя страна... От края и до края
Текут ветра и грозы шелестят,
И, зрелую листву перебирая,
Дожди над прошлогоднею грустят,

И омывают голубые крыши,
И загоняют сны на сеновал...
Я не бывал ни в Вене, ни в Париже,
Да я и на Амуре не бывал —
Не приводила долгая дорога.
За что же мне судьбу благодарить!
Не я ль живу убого, как у Бога,
И сам себя пытаюсь обхитрить —
Мол, вон какой, счастливый да богатый,
Мол, сам Господь от бед меня хранит,
И, как марал, не зная, что рогатый,
Призывно бью копытом о гранит.

* * *

...Я ставил капканы, я целился влёт,
Я острой пешнёю распарывал лёд,
Я жёг керосин, я читал по слогам,
Я слушал, как холод гулял по ногам,
Когда красный сеттер распахивал дверь
В избышку, где жил я, как маленький зверь,
Зажатый снегами, покинут судьбой,
С чадающею в небо кривою трубой.

Красивое время! Эпоха печали!
Ни целых сапог, ни крыла за плечами.

Зола поутру. Выгребаю золу.
Горящие угли стекают во мглу
По длинным сугробам, туда, где заря
Ползет на курган сквозь броню января.
Стекают, шипят, в темноте пропадая.
Над мертвой трубой луна молодая
Скуластой казашкою треплет косу,
И звёзды, как деньги, звенят на весу...

А мне-то — до них! Я золу высыпаю,
И печку топлю, и в тепле досыпаю...

Красивое время! Такое начало,
Что каждая жилка струною звучала!

И если прикрою глаза, то видна
Под чистыми звёздами та сторона,
Где славился труд, поощрялись проказы,
Где боль выплавлялась в такие алмазы,
Что их не продать, не оправить в металл...

Там я человеком, наверное, стал.

Лебединое перо

Туман сошел. Луна сквозь листья сада
Роняет на тропинку серебро.
Со мною — ты, и ничего не надо...
Очиним лебединое перо!
Гусиным можно, можно ястребиным, —
Их, перьев этих, столько на лугу! —
Но о любви нельзя не лебединым:
Любым иным я просто не смогу.
Я напишу: «Как пахнут Ваши плечи!...»
Я прикоснусь губами к завитку,
И загорятся, засверкают свечи
В зрачках твоих, читающих строку.
— Так просто все?..
Конечно, очень просто...
Ведь это лебедь...

Небо...

Перелет...

По этому перу стекали звезды,
По этому крылу стреляли влет!
Оно стонало, билось и плескалось,
Кипело страстью, рвало небосвод,
Оно такой любовью пропиталось!

...И не заметим мы, как перейдет
Под занавесок легких колыханье,

Под шум листвы — попробуй, улови! —
Поэзии неровное дыханье
В неровное дыхание любви.

Цыганка Галя

Всё так со мною было
Тогда, когда мне было
Четырнадцать неполных... Весёлый пистолет,
Дружил я, хали-гали,
С цыганочкою Галей,
Которой тоже было неполных... двадцать лет.

Платочек из батиста.
От бабушки монисто.
Ходила, как летала, не верила в судьбу.
Мне говорила: «Мальчик...»
Фонариком рукавчик.
И, словно у царевны, была звезда во лбу.

Ах, эти тёти-моти...
В быту и на работе
Они бранили Галю — мол, ведьма и змея.
Она ж меня учила
И от любви лечила,
И с каждым днём сильнее в неё влюблялся я.

Из юности, что спета,
Я вспоминаю лето,
Табунные просторы с охапками росы,
Распахнутые ночи,
В которых было очень
То холодно, то жарко от Галиной красы.

А годы шли-летели...
Да что ж я, в самом деле!
Ей вон неполных сколько, а мне неполных сколь?
Она ушла в итоге,
А я настроил ноги

Туда, где проступает на гимнастерках соль...

Я Галю не обижу!
 Когда цыганку вижу —
 Я вспоминаю небо, подобное шатру,
 Кривой цыганский месяц,
 Скирду у старых мельниц,
 И юность, что горела, как факел на ветру.

* * *

О судьбе подумаю, о славе.
 Стерва! Но, однако, хороша...
 Боже мой, в какой кипящей лаве
 Мы с тобою варимся, душа;
 Где — заматерели, ограничились?
 В чем горниле и под молот — чей?..
 Никакому Богу не молились
 И ничьих не слушали речей.
 Мы трудились
 До седьмого пота,
 До изнеможенья, до крови.
 Жизнь моя — угрюмая работа...
 Сколько же отпущено любви
 Было нам,
 Чтоб долгими ночами
 Мог я — не аскет и не изгой —
 Верить в эти крылья за плечами,
 Ощущая бездну под ногой?..

Письмо

Друг мой, Ванька, Ванька Жуков...

Николай Шипилов

С кем сейчас ты, Ванька Жуков?
 Я живу один, как перст,
 Ни старухи и ни внуков,
 Кто наедет, то и ест.

Навести меня, Ванюша,
Не до шуток, я всерьез,
Успокой живую душу,
Ей осталось с гулькин нос.

Я не пью, не лезет в глотку,
Даже пива не могу...
То письмишко про селедку
Я, Ванюша, берегу.

Всем даю, и все читают,
Ты писать-то был мастак...
Слышал — бабы не рожают,
Где-то — да, у нас не так.

Здесь у нас в семействе каждом
По десятку штук Ванят,
Все ядрены, все отважны,
Хнычут, бегают, вонят.

Лепота... А я скучаю,
Печку грею да лежу,
Никому не отвечаю,
А тебе вот напишу.

Как узнаешь где я, что я,
Не скупись, билет купи,
Мест не будет, ехай стоя,
Будет место, сядь и спи.

Мне бы двинуться до срока,
Я б нашел к тебе пути,
Но железка, Вань, далеко,
Мне, пожалуй, не дойти.

Сад не сгинул, на деревьях
Нынче добрый урожай...
Я живу в любой деревне.
В крайней хате. Приезжай.

Там

Там ветер солнце подгоня,
Следит как в поле, за мостом,
Кругами осень осеня,
Плывёт развёрнутым крестом

Высокий коршун.
Даль слезится.
Там, солнечным согрет лучом,
Лениво хлопает возница
О пыль дорожную бичом.

Я вспоминаю эту прелесть —
И шум травы, и звук бича...
Какая всё-таки нелепость:
Остатки жизни волоча,

Мечтать и не суметь вернуться
Туда, где ты всё время есть,
Где было не во что обуться,
И было нечего поеть.

Где пел ковыль,
И лебедь плавал,
И голубь приспускал крыла,
Где жизнь текла без всяких правил
Чиста, спокойна и светла.

* * *

Какая жизнь.
Какие дни.
Какая странная эпоха!
Вот и поэзия в тени.
На что надеется дурёха?
Того, что было, больше нет,
Ушло, растаяло, не видно,
И выйти вновь на белый свет
Не суждено, как ни обидно...

И где-нибудь серёжа-петя,
В грязи, в навозе, в молоке,
Шагая в новое столетье,
Поднимет дудочку в руке,
И, с верой в чистое искусство,
Подует, но услышит... хрип.
А мы ему помочь могли б,
Но нас не будет.
Вот что грустно.

Сентябрь

Только музыка и пена, только чаек долгий стон.
Подень бьет... Студентка Лена... Эскимо. Кефир. Батон.

Эскимо. Кефир. Батон...
Шейки, твисты, вальс-бостон,
Литераторы, богема, звуки парные, «Сайгон»*.

Сессий дни еще далеки, еще лист на тополях
И дождей косые строки, как помарки на полях.

А помарки на полях —
Завитушки в кренделях,
Кружева, банты, манжеты, плечи в темных соболях!

Я тебя к дождям ревную, я тебя в кино вожу,
Я рисую ось кривую, чудный локон вывожу.

Чудный локон вывожу,
Цифры номера твержу,
О своей большей печали никому не расскажу.

У тебя повадка рысья, тонкий профиль, мягкий шаг...
Я, наверное, ошибся, что пошел не на филфак.

А пошел бы на филфак,
Не писал бы. Это факт.
Там не учат к слову слово брать из космоса «на так».

Ты была б со мною рядом, и тебя, в движеньях строг,
Я плечом касался б, взглядом, трогал бы за локоток.

Трогал бы за локоток,
Гладил каждый коготок,
Но в стихах тебя прославить никогда б уже не смог...

Сростки

...шумит Катунь...

Н. Рубцов

Белёсая, она шумела,
Она, легко входя в права,
Свое раскраивала тело
На рукава и острова.

Качала лес, и лес шатался,
Дыша глубокой стариной...
Макарыч, как ты в ней купался? —
В такой холодной и смурной!

Ей — утопить — да просто в шалость...
Не утопила, видит Бог.
Она судьбы твоей касалась,
Твоих босых касаясь ног.

Всю боль свою, весь гнев, и жалость —
Всё отдала тебе она.
Вот жизнь продлить — не догадалась.
И не смогла бы.
Не вольна...